

ЖАНР НА ВСЕ ВРЕМЕНА

**Галина Карева известна как певица раз-
ноплановая. И все-таки огромную попу-
лярность и любовь публики принесло ей
прежде всего исполнение старинных рус-
ских романсов.**

— А начиналось все так, — рассказывает Галина Карева. — Когда я была солисткой Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, у нас часто устраивались концерты, где я неизменно пела романсы. То есть сначала исполняла что-то классическое — хабанеру или цыганскую песню из «Кармен», предположим, а потом — «Нет, не любил он...» Дирекция отмечала прекрасный прием публики. Однажды наступил тяжелый час для нашего театра — он закрылся на ремонт, и мы временно перебрались в Дом культуры Ленсовета. Публика туда плохо ходила. В поисках выхода из затруднительного положения вдруг вспомнили обо мне и предложили по понедельникам давать сольные концерты.

Так родился вечер романсов в двух отделениях. И вы знаете, на первом же концерте — аншлаг! И на втором, и на третьем. Потом, когда театр снова открылся, я исполняла романсы уже на его сцене, да и практически на всех лучших сценических площадках города.

И вот тут кто-то спохватился: «Как? «Отцвели хризантемы»? Что она поет?! Да кто ей разрешил?!»

Доходило до курьезов. Вызвали меня однажды в высокую инстанцию и сказали: «Галина Алексеевна, ну неужели обязательно надо петь эти романсы? Вы сами подумайте, что это такое — «Очи черные!»». Я пыталась возражать: «Очи черные» сам Шалапин не стеснялся исполнять». — «Да, конечно, но все-таки лучше бы не надо». Тогда я предложила этому высокому должностному лицу познакомиться с моим репертуарным списком, чтобы он сам отметил, что стоит петь, а что нет. Приношу, он галочками отмечает самые неподходящие на его взгляд вещи. Затем пригласили в еще одну высокую инстанцию. Выслушиваю приблизительно то же самое, вынимаю копию своей программы, обращаюсь с той же просьбой — пометьте, пожалуйста, какие для концертов не годятся. Через несколько минут получаю список и убеждаюсь: то, что рекомендует один, совершенно не рекомендует другой.

— Действительно курьезно, хотя смешного, в общем-то, мало. И все-таки в чем секрет удивительной жизнеспособности романса даже сейчас, в конце XX века, когда совершенно другой музыкальный язык, вообще ритм времени очень изменился?

— В том-то все и дело, что другой ритм: его многие не выдерживают. Человек соскучился по тишине и задушевности, ему просто хочется отдохнуть от оглушительных звуков и головоломно-метафорических текстов. А романс, как вы заметили, порой складывается из незатейливой мелодии и совсем простых, но очень искренних и теплых слов. Вот, к примеру, «Вернись, я все прощу» (боже мой, сколько же его ругали!). Только представьте, до какой степени отчаяния должна дойти женщина, чтобы произнести такое. Разве в подобном состоянии могла находиться только женщина из далекого прошлого? Конечно, нет.

И потом, вы знаете, пожалуй, лишь русскому городскому романсу присуща столь обостренная ностальгия по любви. Во всех этих пурпурных закатах, каменной скамье в запущенном саду, в кленовом листопаде, в той самой безыскусной мелодии — да, да, чувство ностальгии по любви... Вспомните произведения Чехова, Бунина, Алексея Толстого, вообще большую прозу — не случайно там звучат романсы, которые так любят их герои.

— Знаю, что вы и сами пишете романсы...

— Да, это правда. Как мне пришла в голову эта мысль? Вначале, когда подбирала себе репертуар из старых нот и записей еще до-революционной поры, старалась их немного отредактировать, «почистить». И однажды, выйдя на сцену, спела свой романс, назвав его старинным. Приняли его очень хорошо. Так я пробовала все свои романсы и те, ко-

торые имели успех, оставляла в репертуаре — их у меня около тридцати: «Зачем приходит поздняя любовь», «Говорят, я мила», «Думала, что сердце отлюбило»... Стихи иногда тоже пишу сама, а есть романсы на поэтические тексты Есенина, Ахматовой, Щепкиной-Куперник.

— Сколько всего романсов вы исполняете?

— Более двухсот. Каких-то пять-шесть романсов у меня в программе «обязательных», потому что, буду ли я их петь или не буду, все равно слушатели «потребуют», присылая записки.

— А какие из них — «самые-самые»?

— Самые-самые? К примеру, «Нищая»: сколько пою, ни в одном концерте не пропустила.

— Все-таки Алябьев...

— Да вы знаете, я даже не Алябьева пою, вернее, не совсем Алябьева — там немного иначе. Когда-то мне очень понравилась музыкальная интерпретация Вадима Козина, но я решила найти в этом романсе свою интонацию. Ведь исполнителю очень важно выявить в произведении что-то свое, новое, только тогда оно откроется слушателям совершенно незнакомой гранью.

— Вы много лет пели ведущие партии в опере. Как-то по телевидению была передача, где в вашем исполнении предстали Орлеанская дева, Любаша, Далила, Азучена. А сейчас вы выступаете с академическими программами?

— У меня двенадцать концертных программ русской и западноевропейской классики, арии, романсы, вокальные произведения с органом. Раньше я пела их в лучших филармонических залах страны — в Москве, Ленинграде, Киеве — перечислять можно долго. Но сейчас мне не дают залов. Несколько раз я ходила к директору Московской филармонии, и все время отказ. Почему?

— Может быть, снова попробовать, дирекция ведь сменилась?

— Результат тот же. Кстати, такая же ситуация с телевидением. Не о себе хочу сказать, но очень многих талантливых исполнителей мы не видим: на экране одни и те же лица. Говорят, если все время кормить человека только пирожными, очень быстро наступит пресыщение. Так что телевидение оказывает, на мой взгляд, плохую услугу некоторым певцам, насаждая их буквально в каждую передачу. Зрители в свою очередь лишаются возможности сравнить, сопоставить и постепенно отвыкают от участия в творческом процессе. А разве в нашей огромной стране мало талантов?

— Кстати, о талантах. Вы сейчас преподаете в Музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова, в том самом, которое когда-то окончили сами. Как там обстоит дело с подготовкой будущих вокалистов?

— Здесь, к сожалению, мало утешительного. Почему-то в училищах зачастую работают те, кто оказался непригодным профессионально. Вот и учит каждый так, как умеет. Отсюда получается «середняк». Среди студентов в результате неправильной методики преподавания много профзаболеваний. Получается заколдованный круг: плохой педагог выпускает такого же плохого ученика. Ситуация очень горькая. Почему же не идут в училища опытные вокалисты, те, у кого за плечами огромный творческий багаж? Ведь начинающему певцу так необходим мастер!

— Не хотелось бы наш разговор о романсе заканчивать на столь грустной ноте. Мой последний вопрос: как вы думаете, всегда ли будет жив интерес к русскому романсу, ведь его история знает немало печальных страниц?

— Романс вечен, так как вечна любовь.

Беседу вел
А. АНДРЕЕВ.